

ТЕКСТЫ ПОЛОЦКИХ ГРАМОТ XIII–XIV ВВ. В КОНТЕКСТЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

В истории восточнославянских народов и историческом языкознании полоцкими условно называются документы, относящиеся по содержанию ко времени существования Полоцкого княжества. Известно, что это княжество существовало сначала в составе Древней (Киевской) Руси, а затем с конца XIV века надолго вошло в состав Великого Княжества Литовского [11, т. 47, с. 366–368]. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. образуют сборник документов, подготовленный А.Л. Хорошкевич и изданный Институтом истории СССР АН СССР в Москве (вып. 1-5, 1977–1985 гг.).

21 октября 2016 года в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа НАН Беларуси состоялась презентация нового фундаментального двухтомного издания «Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв». Подготовили издание российские и белорусские учёные, представители Института славяноведения Российской академии наук (РАН), Института российской истории РАН, Центральной научной библиотеки НАН Беларуси, Института истории НАН Беларуси, исторического факультета Белорусского государственного университета, Российского государственного архива древних актов.

Сборник содержит 325 документов из архивов Риги, Геттингена, Варшавы, Гданьска, Москвы. Написаны эти документы на древнерусском, старобелорусском, немецком, латинском и польском языках. Они имеют большое значение не только для изучения истории Полотчины, но и для исследования восточнославянского лингвогенеза.

Общеизвестно, что в традиционной периодизации истории русского и белорусского языков концом древнерусского периода считался XIV век. По мнению многих исследователей, распад общевосточнославянского языка положил начало существованию трех самостоятельных восточнославянских языков, и произошло это в XIV веке [6, с. 11].

Прямым признанием XIV века верхней границей существования общевосточнославянской языковой общности является «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», первый том которого вышел в 1988 году. Концепция словаря тщательно разрабатывалась, принимались во внимание и проблемы определения хронологических рамок. В предисловии указывается, что древнейшие дошедшие до нас списки такого важнейшего памятника Киевской Руси, как летописи, относятся ко времени не ранее конца XIII в., а главным образом к XIV и XV вв., поэтому представляется целесообразным в качестве рубежа принять конец XIV в. и начало XV в. «Таким образом, принимается, что Словарь древнерусского языка охватывает памятники по XIV в. включительно» [10, с. 14].

В последние десятилетия все чаще предлагается считать, что древнерусский период закончился в XIII веке. Так, В.В. Колесов, например, пишет, что определяются этапы в развитии средневекового русского языка и что древнерусский этап длился до конца XIII века [7, с.11]. Известный историк восточных славян В.В. Седов также утверждал, что в первый период истории восточных славян длился от VI–VII веков до XIII столетия включительно, поскольку именно в это время исторические события привели к политическому дроблению восточнославянской территории [8, с. 187]. В белорусистике временем возникновения белорусского языка нередко называют XIII век.

В связи с таким неоднозначным определением хронологических рамок встает несколько закономерных вопросов. Как установить, на каком языке написаны, например, дошедшие до нас документы, созданные в XIII–XIV вв.? Чем при этом необходимо руководствоваться? Памятниками какого языка они являются? Попробуем найти ответы на эти и некоторые другие вопросы, опираясь на тексты Полоцких грамот XIII–XIV вв.

Среди 325 документов, вошедших в упомянутый сборник, только около 20 датируются XIII–XIV в. Две договорные грамоты относятся к середине XIII века: договорная грамота литовского князя Герденя 1263 года и договорная грамота полоцкого князя Изяслава с ливонским магистратом и Ригию 1265 года. Остальные документы созданы в основном во второй половине и конце XIV века. На каком языке — древнерусском или старобелорусском — эти грамоты написаны?

Понятно, что ответ на этот вопрос будет зависеть от того, сторонники каких хронологических рамок будут на него отвечать. Попытки обращения к языку грамот указанного периода не дадут возможности найти однозначный ответ по разным причинам. Если ограничиваться общим впечатлением, то перед нами тексты, написанные на языке, близком к древнерусскому, однако они содержат черты, характерные в дальнейшем для старобелорусского и белорусского языков. Отметим, что системного описания этих черт пока не существует, а работы по языку полоцких грамот единичны. На наш взгляд, не случайно в предисловии к первому изданию грамот А.Л. Хорошкевич указывает, что большинство из них написано на русском и белорусском языках [9, с. 6] и что они дают возможность представить процесс становления белорусского языка [9, с. 4].

Факт присутствия в текстах грамот белорусских «вкраплений» следует рассмотреть в контексте диалектного членения древнерусского языка. Известно, что эта проблема была рассмотрена К.В. Горшковой в книге «Историческая диалектология русского языка» (1972). Автор указывал, что в древнерусский период нужно признать существование новгородского, псковского, ростово-суздальского, рязанского, чернигово-северского, галицко-волынского, киевского и смоленско-полоцкого диалектов [2, с. 6]

Свой вклад в решение вопроса о языковой ситуации в Древней Руси и древнерусских говорах внесли работы А.А.Зализняка. В монографии «Древненовгородский диалект» (1995) он утверждает, что имеющиеся

языковые данные позволяют считать восточнославянскую ветвь, возникшую после распада праславянского языка, образованием, вобравшим в себя не вполне тождественные племенные говоры [5, с.3]. Одновременно с этим ученый признает, что существовал «стандартный древнерусский язык», применявшийся на всей территории тогдашней Руси [5, с.3].

В настоящее время все историки языка признают факт существования диалектного членения древнерусского языка. Этот вывод подтвердили исследования в области славянской диалектологии, в которых вскрыты факты, свидетельствующие о глубоком позднепраславянском диалектном членении, о значительной дифференцированности лингвогеографического ландшафта позднепраславянской эпохи [1, 3, 4].

Не углубляясь далее в анализ историко-диалектологических исследований, укажем, что наличие специфических «белорусских» черт в текстах полоцких грамот следует расценивать как естественный факт существования и развития все-таки древнерусского языка. Именно этот язык в своей диалектной разновидности запечатлен в рассматриваемых грамотах.

В предложенной нами аргументации нельзя обойтись без обращения к тому, как в современном языкознании решается вопрос о различении языков и диалектов одного и того же языка. Всезнающая «Википедия» совершенно справедливо указывает, что не существует единого понимания проблемы «язык или диалект» и, соответственно, единых критериев её решения. Поэтому, утверждая, что некий идиом является именно языком или именно диалектом, необходимо оговаривать, на основании каких критериев делается этот вывод. Это значит, что на вопрос «являются два (близкородственных) идиома диалектами или разными языками?», как правило, нельзя ответить просто «да» или «нет», не оговаривая, что имеется в виду [12].

Очевидно, что при анализе текстов XIII–XIV вв. и установлении их статуса, можно воспользоваться выработанными критериями, среди которых существенное место будет занимать фактор функциональной полноценности и политический фактор. Язык полоцких грамот XIII–XIV вв. вряд ли можно считать функционально полноценным, к тому же сами грамоты создавались на территории такого государственного образования, как Древняя (Киевская) Русь. Следовательно, есть основания считать, что полоцкие грамоты XIII–XIV вв. написаны на западном (А.А. Зализняк) диалекте древнерусского языка, а не на старобелорусском языке.

Еще одно обстоятельство, о котором следует упомянуть непременно, касается самой возможности датировки историко-лингвистических явлений. Очевидно, что при рассмотрении истории языков, в том числе, и близкородственных, невозможно однозначно и строго разграничить этапы развития языка, время возникновения того или иного явления и т.п. Большинство историков языков так и поступают, называя не точную дату, а приблизительное время. Думается, что такой подход особенно уместен в определении того, до какой поры тот или иной язык существовал как самостоятельный или когда тот или иной язык возник.

Применительно к истории русского и белорусского языков стоит, на наш взгляд, хорошо осознавать, что период XIII–XIV вв. — особый период их переходного существования. При этом необходимо также понимать, что анализируя памятники письменности, мы имеем дело с письменной речью, имеющей свои определенные традиции, закономерности организации.

Учитывая выявленные в последние десятилетия доказательства реально существовавшего позднепраславянского диалектного членения (А.А. Зализняк, С.Л. Николаев, В.А. Дыбо), нельзя исключать того, что современные восточнославянские языки могли сформироваться на основе диалектов племенных зон. Однако существование достаточно развитой письменной традиции, равно как и наличие соответствующих государственных образований (Древней Руси, Московской Руси, Великого княжества Литовского), создавало все условия для оформления самостоятельных языков.

Таким образом, на вопрос о том, на каком языке написаны полоцкие грамоты XIII–XIV вв., можно ответить следующим образом: они написаны не на старобелорусском языке, а на западном диалекте древнерусского языка. XIII–XIV вв. в истории русского и белорусского языков следует считать переходным периодом между древнерусским и старорусским, старобелорусским языками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатова, Р.В., Дыбо, В.А., Николаев, С.Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. — М., 1988. С. 31–65;
2. Горшкова, К.В. Историческая диалектология русского языка. — М., 1972.
3. Дыбо, В.А., Замятина, Г.И., Николаев, С.Л. Праславянская акцентология и лингвогеография // Славянское языкознание: XI Международный съезд славистов. — М., 1993. С. 65–87.
4. Дыбо, В.А., Замятина, Г.И., Николаев, С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. —С. 109–159.
5. Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект. — М., 1995.
6. Иванов, В.В. Историческая грамматика русского языка. — М., 1990.
7. Колесов, В.В. История русского языка. — М., 2005.
8. Седов, В.В. Славяне в древности. — М., 1994.
9. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. I / Сост. А.Л. Хорошкевич. — М.: Институт истории СССР, 1977.
10. Словарь древнерусского языка. XI–XIV вв. / Под ред. Р.И.Аванесова. — Т. 1. — М., 1988.
11. Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е.Андреевского; Издатели: Ф.А.Брокгауз (Лейпциг), И.А.Ефрон (СПб.). — СПб., 1890–1907. — Т. 1–41.
12. Язык или диалект [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> «Проблема_язык_или_диалект». — Дата доступа 10.03.2017.